

Текст · 30 декабря 2020, 12:31

Анастасия Ясеницкая, Алла Константинова, Олег Зурман, Александр Бородихин,

«В морге ответили: "Как нам скажут, так и напишем диагноз"». Что происходит с врачами, когда они заражаются коронавирусом (и умирают)

Владимир Хитров, 67 лет

Водитель скорой, город Буй, Костромская область

Пенсионер Владимир Хитров работал водителем на скорой. 21 ноября он умер на ИВЛ в ковидной больнице в Костроме; официальный диагноз — «легочная недостаточность и пневмония». Его сын Андрей рассказывает, как прошли похороны отца, деньги на которые (шесть тысяч рублей) собрали коллеги по гаражу.

Проработал в скорой помощи он 20 лет:

числился мотористом в гараже, иногда механиком подрабатывал — и была еще четверть ставки, помогал развозить врачей. В последнее время механик ушел на больничку, ушли еще какие-то шофера, и его поставили ездить с врачами.

Перед тем, как заболеть, он чуть ли не до семи вечера был на вызовах постоянно. Врач, которая с ним ездила — у нее подтвердили ковид. После этого его посадили на изоляцию, так как он с ней контактировал, ездил в одной кабине.

Он задыхаться начал, у него началась пневмония. Неделю у него была температура — 37,5°. Выписали

ему там лекарства: ношпу, аспирин, какие-то БАДы. Мать удивилась: этим лечат, что ли, такая ерунда.

Владимир Хитров (справа). Фото: предоставлено его сыном

Взяли у него мазок: в субботу был мазок отрицательный, а в воскресенье, восьмого^[1] уже увезли в Кострому, в ковидный госпиталь. Там госпиталь не для тяжелых, он там пару дней побыл, и в среду его увезли в окружную больницу, где лежат тяжелые [больные].

Его положили просто в коридоре, потому что там не было мест. Я ему звонил, [спрашивал], что делают — ничего не делают. Мы тут обрывали все телефоны, отец лежит в коридоре в больнице. Мы переживали. Вечером в среду его перевели в реанимацию, он был под тугой маской. Мы постоянно связывались с врачом. Потом становилось все хуже, хуже, перевели на ИВЛ. И 21-го ночью он скончался.

Больница никаких соболезнований не выносила, руководство не говорило, никакой помощи, ничего.

На похороны мужики собрали шесть тысяч, ну и венок какой-то от больницы пришел. И все. А то, что человек 20 лет проработал и заболел — никакие комиссии не устанавливали, по какой причине. Просто скончался и все.

Официальная причина смерти указана — легочная недостаточность и пневмония. Остальное, сказали, через месяц можно позвонить и узнать, ковид или нет. По-моему, ковид ему не ставили — хотя лежал человек в ковидном отделении.

Мать тоже заболела. Болела долго, сейчас полегче уже стало — ковид такая болезнь, но вроде никаких тяжелых последствий. Я не контактировал, у меня жена беременная, и я очень сильно остерегаюсь, по видеосвязи общаемся. У меня брат младший был контактный, он на изоляции был.

Естественно, все предельно напугались. Шофера, которые ездят к населению, убрали передние сиденья, чтобы врачи не лезли к ним в кабину. Там УАЗик, буханка — чтобы садились сзади и предельно не контактировали с водителем. Врачу [, которая ездила на вызовы с Хитровым,] поставили ковид, она выздоровела и продолжает ездить.

Понимаете, он такой человек безотказный. Говорил, что просто некому сейчас работать, все ушли на больничку. Не то, чтобы он не хотел — он такой закалки. Надо, надо. Врачи пешком пойдут, что ли? И работал.

Я не знаю, у нас такая тишина. От больницы вообще ничего не сообщали. Я случайно узнал,

что, оказывается, есть выплаты заболевшим медработникам и водителям. А тут тишина — ну, умер и умер человек.

Елена Марченкова, 57 лет

Медсестра, город Карачев Брянской области

Умерла 20 ноября от ковида, из-за нехватки медперсонала в Карачевском психоневрологическом интернате продолжала работать уже после появления первых симптомов. Почему погибшей медсестре ПНИ не полагалось выплат для работников здравоохранения, объясняет ее дочь Елена Трушкина.

Она как попала [в ПНИ] по распределению после медучилища, так и проработала всю жизнь там. Получила ветерана труда, работала медсестрой. Она уже была на пенсии за выслугу лет, но продолжала работать.

Жила в городе Карачев, на работу ездила. Это деревня Вереща^[2]. В деревне несколько домов. А в городе Карачев, если честно, я уже давно не смотрела статистику — население, получается, 17 169 человек.

Заболела мама, когда была в отпуске. В октябре у мамы отпуск был, она его даже не догуляла, пришлось выезжать на смену, потому что в первой смене начали заболевать медсестры, их отправляли домой. И маму на смену вместо двух недель отправили на три недели — работать было некому.

Во время пандемии врачи на работе не находятся, только четыре медсестры и младший персонал. Врачи не оставались на сутки. Раньше они приезжали утром,

а вечером уезжали, у них пятидневка была, а на сутки оставались только медсестры. [Но во время пандемии] врачи [работали] только на телефонах, в красную зону они не заходили. То есть медсестры, получается, как и врачи, и как медсестры. Больных 250 человек.

Получается, что медсестра с маминой смены заболевает, ее отправляют домой, остальным берут мазки — это было 24 октября. Кто остался, им пришли отрицательные мазки, они продолжают дальше работать.

У них были марлевые костюмы, маски. Мама говорила, что они в резиновых сапогах ходят — им же приходилось дойти до корпуса по улице. Я не знаю, насколько было достаточно всего этого, потому что медикам запрещено рассказывать, если им чего-то не хватает. Так и говорят: «Нам нельзя рассказывать».

Елена Марченкова. Фото: личный архив

Первые признаки заболевания у мамы появляются 31 октября — это был ее день рождения, ей исполнилось

57 лет, отпраздновала на работе. Температура поднялась, но она мне не признавалась. Получается, подают извещение в Роспотребнадзор о первых симптомах, но мазки не берут. Я не знаю, почему, я с директором пока не общалась.

Я хочу разобраться в этом деле и довести его до суда или не знаю, до чего. Выплат маме никаких не полагается: хоть она и медработник, но она в соцучреждении [работала], то есть на нее это не распространяется. Из-за того, что это ПНИ — социальное учреждение... Она — медик — извините, не в том месте работала.

Пациенты у них болели. Было, наверное, 50 [заболевших], когда мама мне уже начала рассказывать.

Получается, мазки не забирают, она дальше работает до девятого числа. То есть восемь дней она находилась на смене больная. Их вовсе осталось две медсестры под конец. Ей стало, видимо, хуже. Мы ее упрашивали: «Приезжай мама, пожалуйста, домой, не переноси все это на ногах», но она говорила: «Кто будет тогда работать?».

Ей стало плохо. Она поехала 9 ноября домой, и в поликлинику сразу. Ей сразу взяли мазок, и он, получается, положительный. Она приехала в Карачев, в поликлинику, просидела в приемном покое, не дождавшись — долго сидела, не высидела. Попросила, чтобы ее как медработника побыстрее приняли, потому что ей плохо. Они ей выписали больничный и дали направление на КТ, она пошла домой и до вечера ждала скорую. Скорая приезжает, ее забирает

и везет в Брянск. Привезли ее в Брянск ночью, на КТ выявилась третья степень^[3]; почему-то не сказали процент поражения легких.

Мама сказала, что ее не хотели класть в больницу, но у нее прямо там упала сатурация. Ее положили в обычную палату — сразу на кислороде, в маске. Там она пробыла с 10-го по 13 ноября. 12-го числа у нее был поломан кислород, его только к вечеру починили. С 13-го на 14 ее перевели в реанимацию.

Связь с ней мы потеряли, потому что телефоны в реанимации не разрешаются. Мы только дозванивались до врачей; особенно по телефону ничего не рассказывали, только динамику. Спрашивали, не нужны ли какие-то препараты, отвечали, что все в наличии. 20 числа с утра у нее было крайне тяжелое состояние, и где-то в обед ее перевели на ИВЛ. В 23:45 ее не стало.

Поставили ей диагноз «двусторонняя тотальная вирусно-бактериальная пневмония *COVID-19*». Были поражены все органы.

Похоронили через два дня. Отдали в черном мешке.

Она нас всегда остерегала, чтобы мы маски носили. Когда она сама заболела, она была в панике, у нее был страх — это слышно по голосу, по интонации. Хотя она спокойный человек, всех всегда успокаивала.

Когда она лежала в реанимации, там был 21 человек, ее медсестра выделила как солдата — все выполняет, цепляется за каждый момент.

У меня просто не приходит осознание, что ее нету. Как она ушла на работу, мы не виделись месяц. Когда тело в мешке видите, осознания нет, что ее нету.

Юрий Кочетов, 52 года

Анестезиолог-реаниматолог, Барнаул

Умер 2 ноября, диагноз — «сердечная недостаточность и внезапная коронарная смерть». После гибели врача минздрав Алтайского края **начал проверку** — его вдова Елена Кочетова считает, что администрация больницы скрыла результаты теста на коронавирус, чтобы не отпускать мужа с работы.

Юрий начинал работу в топчихинской^[4] районной больнице. Он там отработал 18 лет в реанимации. Пришел туда после вуза, интернатуру там же прошел.

Мой муж был очень продвинутым, он интересовался реаниматологией в акушерстве, не сидел на месте и всегда расширял свои знания. Я сама медсестра по образованию, работаю в неврологическом отделении, так он мне, когда я просила, доступно все объяснял.

Последним местом его работы [была] городская больница №10 города Барнаула. Там он работал исполняющим обязанности заведующего отделением [реанимации]. Их работало несколько человек, четверо или пятеро врачей. Впоследствии те врачи, которые приезжали из военного госпиталя подрабатывать в эту больницу, они все заболели коронавирусной инфекцией. И многие из них находились в госпиталях на лечении. Мой муж в итоге остался с коллегой Виктором вдвоем работать.

У них лежала пациентка с COVID-19. Я так полагаю, одной пациенткой не обошлось, было, скорее всего, несколько зараженных. Они работали без костюмов, потому что реанимацию не объявляли красной зоной, красная зона была в терапии. Они просто в обычных костюмах, в масках оказывали помощь.

Юрий Кочетов с женой. Фото: личная страница Елены Кочетовой в ОК

Когда началась вторая волна, появилась нервозность у руководства, увеличилась нагрузка. Пациенты начали в очень больших количествах поступать, до 50 человек в день. Там ничего не было подготовлено для того, чтобы принимать ковидных пациентов, даже [защитные] костюмы не выдавали персоналу. Ситуация, на мой взгляд, была критическая.

Юрий почувствовал недомогание где-то 7 октября. За неделю до этого все медсестры их отделения заболели, симптомы были похожи на коронавирусную инфекцию: у всех была повышенная температура, тяжело было дышать и так далее. Все медсестры ушли на больничный.

Они [в отделении реанимации] остались вообще вдвоем с Виктором. У них там всего три койки для тяжелобольных, но они же ходят и консультируют по больнице других пациентов, если тяжелые поступают; в неврологию могут пойти, в терапию.

Когда медсестры все ушли, он пошел к главному врачу [Павлу Польникову](#), который впоследствии якобы тоже заболел ковидом. Муж пошел и сказал: «Мы не можем без медсестер работать». Эти походы его не увенчались успехом, они продолжали работать с Виктором через сутки.

Потом он почувствовал недомогание. Позвонил мне и сказал: «Я плохо чувствую себя, подозреваю, что у меня коронавирусная инфекция». Я говорю: «Нужно тест сдать обязательно, и вообще желательно вообще уйти с работы». Температура у него была 38,7° на тот момент. Он пожалел своего коллегу Виктора, как он будет работать один.

Его осмотрел терапевт и сказал, что у него банальный бронхит — может продуло или простыли на улице, нет же ковидных пациентов в реанимации, где вы могли заразиться.

Мне медсестра из реанимации, Марина, потом сказала, что был ковид в отделении, была пациентка

такая у нее в реестре. Впоследствии, видимо удалили из реестра, потому что у нас это практикуется в Алтайском крае, в Барнауле.

Сотрудникам запрещают уходить на больничный, потому что некому работать. Мотивируют этим и тем, что якобы у пациентов не подтверждается ковид.

Юрий продолжал работать сутки через сутки. Когда приходил домой, то жаловался на сильную слабость, одышку. Я прям слышала одышку. Потом у него температура начала повышаться до 39,5°, он не мог ее ничем сбить. Он начал ставить себе сильнейшие антибиотики.

10 октября он сдал тест на ковид, и почему-то этот тест ушел в город Бийск — это где-то 200 километров от Барнаула. Мне до сих пор непонятно, почему тест моего мужа отправили в Бийск.

До 16 октября он работал через сутки. 16 октября они с этим доктором нелегально зашли в общий реестр, где фиксируются все ковидные сотрудники или пациенты. И он увидел, что его тест положительный.

Он был на дежурстве тем вечером. Позвонил мне, был очень расстроен. Говорит: «Это же преступление, как так, мне не сообщили, что у меня тест положительный, я же мог заразить других людей. У нас же в отделении совсем беззащитные пациенты лежат, я мог их заразить». Я сказала, чтобы он сфотографировал отметку о том, что его тест положительный. Сейчас не могу разблокировать пока его телефон, но как только смогу, увижу эту фотографию.

17-го числа он ушел с работы домой на самоизоляцию. Сейчас нам говорят, что якобы у него был больничный, но я думаю, что больничный ему открыли задним числом.

Руководство [больницы] со мной не связывалось-, никто ничего мне не говорил, не соболезновал, никаких вопросов не задавал. Полнейшее равнодушие. Минздрав назначил проверку — ну пусть назначил. Роспотребнадзор там проверяет — ну пусть проверяет. С результатами проверки меня никто не знакомил.

Следователь Следственного комитета на мои вопросы не очень хочет отвечать. Я ему звоню — не надоедаю, конечно. Он меня спросил: «Судя по ролика-
журналистским расследованиям, у вас же нет претензий к администрации [больницы]?». Я говорю: «С чего вы взяли, у меня очень много претензий».

После смерти моего мужа [из больницы] начали увольняться люди, уходить — из-за этого цинизма. Если, извините, он случайно услышал, как начмед сказала: «Ну где эта скотина, почему не идет посмотреть пациентку».

22-го числа ему нужно было сдавать повторный тест на ковид, врачи из его больницы должны были, по идее, приехать к Юрию и взять тест. Но оказывается, в эту больницу нужно идти самому. А ему сказали, что пробирок нет. Он ходил туда 28-го и 29 октября, ему отказали из-за того, чтобы не было пробирок. 30 число он уже не пошел.

Вы знаете, люди между собой называют эту больницу «кладбище для престарелых людей».

Юрий Николаевич умер 2 ноября. В справке о смерти не написали, что присутствовал ковид, написали — «сердечная недостаточность и внезапная коронарная смерть».

Когда его повезли в морг, где вскрывают ковидных пациентов, там уже было 70 трупов. Сказали, его вскроют через неделю примерно.

Похоронили мы его 8 ноября, на похоронах были его коллеги из топчихинской больницы. Похоронили его в Топчихе рядом с мамой.

Геннадий Кагарлицкий, 69 лет

Врач скорой помощи, Самара

Умер 7 декабря с диагнозом «вирусная пневмония неуточненная». О том, как ей пришлось добиваться постановки (уже посмертно) диагноза COVID-19 и положенных погибшему медику выплат, рассказывает его дочь Ольга.

23 года он работал в 15-й поликлинике города Самары врачом неотложной скорой помощи. Он военный врач, и уже с 1997 года он был на пенсии, у него врачебной деятельности стаж около 50 лет. Врач с таким опытом диагноз ставил слету, мог послушать легкие — сразу слышал все: пневмонии, бронхиты. У него необходимости работать уже давно не было, но он просто не мог уволиться. Очень его любили больные, пишут.

Мама чувствовала. Он с отпуска вышел 13-го числа^[5], а у мамы было какое-то предчувствие, она его просила не выходить, вообще увольняться. Но он говорил: «Некому работать, кто будет работать?». Молодые не задерживались на этой работе. Очень тяжелая работа, и зарплаты у них небольшие; даже за ковид за этот — какие-то символические доплаты, которые и урезали, и не доплачивали. На такую работу сколько ни приходило врачей, они не выдерживают.

Геннадий Кагарлицкий с женой и дочерью. Фото: личный аккаунт в Instagram

Причем мы переживали, что отец принес домой заболевание. Он постоянно приходил простуженный, у него опасность была каждый день. В августе он, как мы подозревали, он бессимптомно переболел, а мама в больницу была госпитализирована — три недели,

потом еще три недели. Она выкарабкалась, прямо на ноги ее поставили.

17-го он уже не смог выйти, взял больничный.

20-го его госпитализировали. Я снимала видео, там [в инстаграме](#) вся эта жуть есть. Я призывала обратить внимание и губернатора, и минздрав Самарской области, и минздрав российский — у нас был коллапс, просто люди в коридорах стояли. В нашем случае 20-го числа он приехал в 11:00, и вечером в 21:30 его госпитализировали, то есть в течение десяти часов происходила госпитализация. КТ ждали восемь часов, а до этого скорую мы ждали сутки. По сути, его и погубило вот это ожидание. Там два человека умерло в этой очереди. Люди по три дня по городскому номеру не могли узнать, что с близкими в реанимации.

Он прибыл с 25% поражения, [это показало] первое КТ, которое мы долго делали. Потом госпитализировали его, у него было через два дня — в пятницу — 65% поражения. Об этом я узнала только в понедельник. Три-четыре дня он был на телефоне, активный, а во вторник стал задыхаться, и его перевели в интенсивную терапию. Там он провел десять дней, все дни он был стабильно тяжелый, он переворачивался, даже вставал в реанимации, помогал как мог в лечении. Но вот за два дня последних они уже ничего не могли делать. ИВЛ ему сделали, как мне сказали, за час до смерти.

Они мне позвонили в 01:45 ночи с шестого на седьмое число и сказали, что реанимационные действия прошли безуспешно. Реаниматолог была

очень расстроена, чуть ли не плакала. Просто этот госпиталь, куда я его привезла, открыли за четыре дня до этого. Там, конечно, набрали людей... Беда в том, что заведующий реанимацией ушел на больничный — человек с опытом, он шесть месяцев проходил в ковид-центре лечебную практику, лечил ковидных.

У нас тут волна в Самаре такая пошла именно в октябрь. Накрыло волной. До того был спад, спокойствие. А вот эта волна — не были к ней готовы, видимо. У нас 5 ноября ввели только ограничения — 65+, дистанционная работа либо изоляция. И мы в неведении были, когда он вышел на работу. Заболевали сотрудники. Но мне пишут люди, из четырех [заболевших] сотрудников только у одной бухгалтера был поставлен диагноз «ковид». То есть медикам еще и не ставят диагноз, и отцу моему тоже не поставили ковид, хотя он был в красной зоне и болел.

Они вообще без средств защиты работали — выездная скорая неотложная помощь при поликлинике. От того, что произошел наплыв заболевших, им перекидывались звонки с городской скорой помощи оз. И я уже несколько раз снимала видео в этой поликлинике: они даже после этого случая выезжают все без СИЗов, без костюмов, в масочках продолжают дальше работать.

Все, что касается посмертных выплат медработникам — это разбирательство проходит в течение пяти дней. Седьмого числа он умер, восьмого я не увидела его в списке вообще умерших от ковида. Я поняла, что что-то не то с диагнозом. Когда увидела справку о

смерти — «вирусная пневмония неуточненная». И я поняла, почему не ставят диагноз «коронавирусная инфекция» именно медикам. Когда я позвонила утром в морг выяснить, почему «неуточненная вирусная пневмония», мне вообще там сказали: «Как нам скажут, так и напишем диагноз». Мне стали люди писать, и выясняется, что просто медикам вообще не ставят диагноз [COVID-19] — им даже эти 68 тысяч, когда ПЦР положительный, медик переболел и у него были контакты с ковидными, им эти выплаты отдавать не хотят. У отца в поликлинике, по-моему, две выплаты сделали, и одну сотрудницу уволили за это.

Медработники — это такие люди, которые свои права отстаивать не будут, они боятся увольнений. Хотя понятно, что вместо них и некому будет работать. Это у меня просто отчаяние, я уже не думаю совершенно ни о каких последствиях.

Мне пришлось скандальными видео призывать к общественности, и через эти все усилия **добиваться**, чтобы они ему подтвердили ковид в итоге. После скандальных видео из морга, после того, как губернатор взял под свой контроль ситуацию, попросил министерство Самарской области разобраться, отцу поставили диагноз «коронавирус».

Когда я забирала отца в день похорон, я письменное заявление написала, чтобы обязательно провели диагностику ковид-инфекции посмертно и чтобы мне дали ознакомиться с патологоанатомическим заключением. Его делают в течение месяца, но в

моей ситуации сделали, по-моему, дней через 12. Там ПЦР все были отрицательные, но диагноз установлен — ковид, новая коронавирусная инфекция. Была комиссия, подтвердили заболевание на работе.

В силу возраста отец, конечно, работал не полный цикл, у него какие-то смены свои были. Календарь так и остался, висит. Мы даже не перелистываем этот месяц, октябрь, когда он распланировал дежурства — 13-14, потом 17-18, ну и далее там.

Сергей Пошукайлов, 55 лет

Физиотерапевт, Воронеж

Умер 16 ноября от легочной недостаточности на фоне COVID-19. Родственники не будут добиваться, чтобы его признали заразившимся на работе — почему, объясняет друг врача Андрей Терехов.

Сергей больше 20 лет работал в

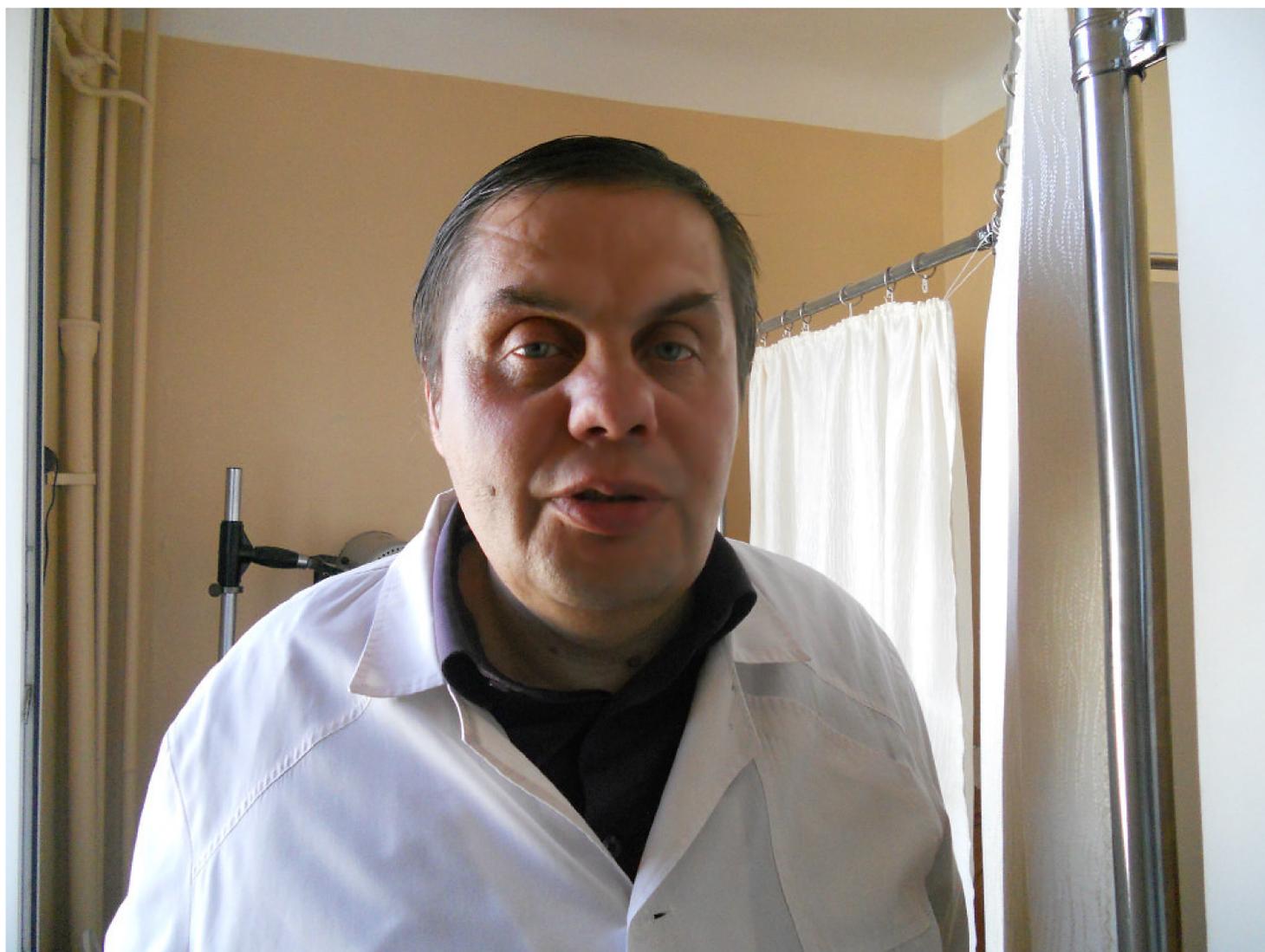
Воронежской областной инфекционной больнице врачом-физиотерапевтом. Занимался общественной медпрофилактикой: выступал на радио, участвовал в симпозиумах разных.

Осенью он был в отпуске, на работу вышел где-то в середине октября и через несколько дней заболел. Вышел на больничный, сидел дома и лечился сам. Консультировался с коллегами, менял схемы лечения, но легче не становилось.

Мы с ним часто разговаривали про коронавирус:

сначала он считал, что это «как грипп», но ситуация ухудшалась — и он сам постепенно увидел, что это не просто грипп. Сергей кашлял

в этот сезон сильно, потом еще температура — в общем, стал уже волноваться. В ноябре, когда появилась одышка, вызвал «скорую» — в БСМП^[6], куда его госпитализировали, компьютерная томография показала 50% поражения легких.

Сергей Пошукайлов. Фото: предоставлено Александром Тереховым

До этого он советовался со мной — мы с ним когда-то подружились на православной почве — пойти ему в храм или нет. Он человек верующий, ходил в церковь, а после смерти матери всерьез думал о том, чтобы уйти в монастырь. У него не было семьи, я у него часто гостил.

В больнице он лежал в обычной палате, но ему давали кислород. Когда мы созванивались, ему было тяжело говорить.

В день, когда Сергей умер, мы успели поговорить. Он позвонил, планировал обедать. Попросил передать

ему посылку с необходимыми вещами. Я сам болел на тот момент, поэтому нашел человека, который вещи бы передал. Тот человек к часу дня приехал в больницу, а потом мне звонит и говорит: «Вот, я посылку попробовал передать дежурному. А мне ответили: "Ему это все уже не нужно, родственникам мы уже сообщили"».

В причинах смерти Сергея написали: легочная и дыхательная недостаточность, ковид.

Сергей полагал, что заразился на работе: осенью несколько человек в коллективе и один пациент переболели. Потом еще заболел человек, который находился в их больнице на лечении. Но наверняка он не знал, конечно, где мог подхватить вирус. На похоронах его коллеги переговаривались: «Где же он заразился? Как так вышло?».

Родственники Сергея добиваться того, чтобы его признали заразившимся на работе, не будут — нужна специальная экспертиза, а на нее сейчас нет ни сил, ни возможностей. Кроме того, нужно будет «воевать» с больницей, в которой Сергея помнят, как хорошего человека.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. 8 ноября.
2. Там расположен Карачевский психоневрологический интернат.
3. Среднетяжелая пневмония, 50-75% объема легких поражено.
4. Райцентр Топчиха находится в 90 километрах от Барнаула.
5. 13 ноября.
6. Больница скорой медицинской помощи.

